

Бай Шу первым почувствовал, как изменилось настроение Хан Сиэня. Отбросив лишние мысли, он бросил быстрый взгляд на единственного человека, который продолжал спокойно сидеть.

Инструктор Бай едва заметно нахмурился.

«Как бы мне поучить этих двоих, да так, чтобы комар носа не подточил?» — прикинул он про себя, слегка сощурившись.

Он был уверен, что наглый принц Сижунa, Хуянь Лу, и этот верзила с тяжелыми боевыми молотами, Ухэ, окончательно перешли черту и разозлили молодого господина.

Хан Сиэнь, способный читать чужие мысли, почувствовал, как внутри него закипает глухое раздражение от этой мысленной суеты.

На стороне Великой Чжоу лишь генерал Бай Вэньхань ухитрялся сохранять подобие хладнокровия. Он достаточно долго имел дело с Хан Сиэнем, чтобы знать наверняка: если этот юноша сыплет угрозами, он выполнит их без малейших колебаний. Кровавая расправа над собственной нянькой и пять отрубленных пальцев Фан Цзо, сына Великой принцессы, служили тому самым наглядным и жестоким доказательством.

Если генерал и растерялся на мгновение, то лишь потому, что не ожидал увидеть Бай Шу в первых рядах. Бай Вэньхань предпочел бы сам исполнить любое грязное поручение Наследника, лишь бы не позволить Бай Шу замарать руки в этой грязи. Но дело было сделано, и сокрушаться теперь не имело смысла.

Хуянь Лу, услышав столь откровенную угрозу, на мгновение опешил. Он принялся лихорадочно соображать, блефует ли посланник или действительно готов пролить кровь.

О дурной славе Хан Сиэня ходили слухи даже в далеких землях Сижунa. Говорили, что этот избалованный юнец пользуется безграничным доверием императора Великой Чжоу, отличается непредсказуемым нравом, жесток и привык прятаться за чужие спины. Однако Хуянь Лу не видел причин для страха. Даже если в руках Хан Сиэня находилась горстка сижунцев, у него самого пленных из Великой Чжоу было в разы больше.

Не веря, что изнеженный столичный вельможа решится на крайние меры, Хуянь Лу сделал шаг вперед, встал во главе своего войска и звучно произнес:

— Наследник Хан, если вы прибыли сюда ради мирного урегулирования, мы рады вас приветствовать. Если же нет — нам не о чем разговаривать. Если вы посмеете тронуть наших людей, я отдам приказ сделать то же самое с вашими подданными. Советую вам хорошенько подумать. К чему доводить дело до кровопролития, когда любой вопрос можно решить с

помощью серебра?

Договорив, Хуянь Лу кивнул Ухэ. Великан бесцеремонно выволок одного из пленников Великой Чжоу вперед. Несчастный испуганно хрипел и упирался всеми силами, но против чудовищной мощи генерала его потуги были ничем.

— Вот как? Ну так попробуй, — голос Хан Сиэня прозвучал пугающе тихо, от него веяло могильным холодом.

Даже не взглянув на соотечественника, который в слезах молил о пощаде, Наследник медленно поднялся со своего места и подошел к сижунскому пленнику, которого удерживал Бай Шу.

Это был самый обычный кочевник — щуплый, с серым от ужаса лицом и мелко дрожащими губами. Хан Сиэнь окинул его равнодушным взглядом. Затем одним точным движением выхватил меч из ножен на поясе Бай Шу.

Холодный серебряный блеск полоснул по воздуху. Прежде чем кто-то успел сделать вдох, отсеченный безымянный палец пленника упал на промерзшую землю.

Окрестности огласились истошным, диким воплем. Скуля от невыносимой боли, сижунец скрючился на земле, его лоб мгновенно покрылся крупными каплями холодного пота. Хуянь Лу не ожидал, что изнеженный аристократ ударит сам. Его взгляд потемнел при виде пролитой крови, а в душе шевельнулось мрачное уважение к столь опасному противнику.

Ухэ на чистом инстинкте занес оружие, собираясь снести палец пленному крестьянину, но Хан Сиэнь лишь насмешливо прищурился, глядя прямо на Хуянь Лу. Почувствовав бездонную злобу в этом взгляде, принц резко вскинул руку, останавливая своего генерала.

— Наследник Хан, вы переходите все границы! — процедил Хуянь Лу сквозь зубы.

Хан Сиэнь лениво оглядел клинок. Кровь скатилась с безупречной стали, не оставив ни единого следа. Действительно, превосходное оружие.

— «Переходите границы»? И у тебя только язык повернулся сказать такое, Третий принц? — в голосе Хан Сиэня сквозило откровенное презрение. — Ваша саранча грабит земли Великой Чжоу, угоняет мирных людей в рабство, а теперь ты требуешь за них выкуп. Ты прекрасно знал, чьи это подданные. Если бы вы хоть немного дорожили миром между нашими государствами, вы бы вернули их со всеми почестями. Вместо этого ты без зазрения совести лепечешь, будто они — собственность кочевников, до которых тебе нет дела. Подобную чушь только ты и способен нести. Но раз договориться не выходит, то и тратить слова незачем. Я человек дела. Раз ты усомнился во мне, пришлось показать тебе все наглядно.

С этими словами Хан Сиэнь небрежно бросил меч обратно Бай Шу. Инструктор поймал оружие на лету, продолжая прижимать вопящего пленника тяжелым сапогом к земле. Ощув ладонью тепло, оставшееся на рукояти от пальцев Наследника, Бай Шу невольно сжал пальцы крепче.

Когда Хан Сиэнь секунду назад забирал оружие, его дыхание на миг коснулось шеи Бай Шу. В тот момент у инструктора начисто вымело все мысли из головы. Он даже не подумал помешать Наследнику, а когда опомнился, все уже было кончено.

Теперь Бай Шу изнывал от глухого раскаяния. Он знал, как сильно Хан Сиэнь презирает запах крови, и все же по собственной оплошности допустил, чтобы тот лично запятнал себя.

Слушая этот беспорядочный мысленный лепет, Хан Сиэнь лишь раздраженно поморщился. Стой рядом кто-то другой, он бы в жизни не прикоснулся к чужому оружию. Но объяснять это вслух было нельзя, и невысказанные мысли тяжелым грузом легли на душу.

Он вновь перевел ледяной взор на Хуянь Лу и сухо произнес:

— Соглашайся на обмен, принц, и мы разойдемся миром. Глядишь, и доживем до того союза, о котором ты так красиво пел. Если же ты решишь и дальше мериться со мной жестокостью, то забудь про мир. Будем воевать. Нам же меньше ухищрений понадобится.

От столь дерзких речей у генерала Бай Вэньханя похолодели пальцы. Подобные заявления на границе граничили с чистой воды самоуправством, за которое в столице вполне могли лишиться головы.

Хуянь Лу мгновенно уцепился за эту оговорку:

— Послушать тебя, Наследник Хан, так ты здесь волен решать за самого Императора? Неужели твое слово в Великой Чжоу значит больше, чем указы твоего повелителя?

Хан Сиэнь даже не подумал оправдываться перед явной провокацией. Он ответил прямо и жестко:

— Слова Его величества — непреложный закон, мои же — лишь досужие разговоры. Но наш государь умеет прислушиваться к верным слугам и никогда не позволит чужакам топтать свое достоинство. Хватит пустой болтовни, принц. Отвечай: воюем или меняемся?

Лицо Хуянь Лу хищно заострилось, глаза превратились в узкие щели.

Заметив его замешательство, Хан Сиэнь небрежно бросил:

— Два.

Движения Бай Шу были отточены до автоматизма. Не успело эхо затихнуть, как еще один палец пленника покатился по мерзлой земле. Алая кровь брызнула на серую пыль заставы, наполняя морозный воздух резким металлическим запахом.

Дыхание Хуянь Лу стало прерывистым. Стоявший позади Ухэ глухо прорычал:

— Принц, давай сотрем этих собак в порошок!

Хуянь Лу ожёг его яростным взглядом:

— Ты всерьез думаешь, что этот малец пришел сюда один? За его спиной наверняка стоит вся пограничная армия Великой Чжоу. Мы сейчас не готовы к большой войне, и отец не простит нам такой глупости. Но я клянусь, Хан Сиэнь... рано или поздно ты заплатишь за этот день.

На самом деле эта встреча была лишь проверкой. Узнав о пленении генерал-губернатора Сицзяна, Хуянь Лу хотел лично прощупать почву и прознать намерения нового посланника. Кто же знал, что непреклонную гордость, которой так не хватало войскам Сицзяна, он встретит в лице этого хрупкого столичного юноши.

Хан Сиэнь прекрасно понимал, что Сижун не решится на войну. Это была обычная игра на выбывание — кто первый проявит слабость. И пусть он вовсе не собирался устраивать бойню из оставшихся пленных, на его лице не отразилось ни тени сомнения.

В искусстве быть жестоким Наследник не уступал никому.

Пока Хуянь Лу перешептывался со своим генералом, Хан Сиэнь невозмутимо отсчитал еще два числа.

Принц Сижун, не знавший поражений с самого детства, сейчас едва сдерживал удушающую ярость от собственного бессилия. Но разум возобладал над гневом. Он резко вскинул руку:

— Наследник Хан, я запомню твое «гостеприимство». Долг будет уплачен в полной мере. Мы согласны на обмен.

Хан Сиэнь мазнул взглядом по свежим кровавым пятнам на земле и насмешливо фыркнул:

— Сделай ты это раньше, твой подданный остался бы при своих пальцах.

С трудом подавив вспышку гнева, Хуянь Лу приказал Ухэ:

— Отпустить пленных Великой Чжоу.

Генерал хмуро подчинился. Хан Сиэнь кивнул Бай Вэньханю, и тот велел своим людям вести сижунцев к демаркационной линии.

Обмен проходил в звенящей, удушающей тишине. Пленников с одной стороны было значительно больше, что лишь добавляло нервозности.

Хуянь Лу предложил выстроить всех вдоль границы и отпустить одновременно по сигналу. Идея казалась разумной, но Хан Сиэнь тут же отверг ее:

— наших людей больше, Третий принц. Если хочешь показать честность своих намерений, отпусти первую половину сейчас. Остальных обменяем следом.

Хуянь Лу долго всматривался в его лицо, после чего с напускным великодушием согласился.

Передача людей шла медленно и осторожно, без лишних движений.

Когда все пленные благополучно пересекли черту и оказались среди своих, командиры наконец смогли перевести дыхание, хотя пальцы по-прежнему лежали на эфесах. Но стоило последнему крестьянину ступить на землю Великой Чжоу, как хрупкий мир разлетелся вдребезги. С диким ревом Ухэ рванулся вперед, обрушивая свои тяжелые боевые молоты прямо на голову отстающего бедолаги.

В то же мгновение Бай Вэньхань молниеносно выбросил вперед копье, заблокировав сокрушительный удар. Скрежет столкнувшегося металла прокатился над заставой подобно грому, заставив обоих воинов отступить на шаг друг от друга.

Одновременно с этим Хуянь Лу выхватил из седла тяжелый лук и выпустил несколько стрел прямо в лицо Хан Сиэню.

Смертоносный залп летел с воем. Бай Шу среагировал мгновенно: одну стрелу он перехватил голой рукой, вторую срубил клинком в полете. Однако последняя стрела оказалась с секретом — ее наконечник разделился на два прямо в воздухе. Хан Сиэнь резко уклонился, и холодное железо со свистом скользнуло по касательной, лишь чудом не задев ухо.

Острый наконечник зацепил край лакированной маски, и та с негромким треском раскололась. Небольшой осколок у щеки покачнулся и упал на землю, обнажив безупречно белую, чистую кожу.

Над заставой разнесся раскатистый хохот Хуянь Лу:

— Прости великодушно, Наследник Хан! Я лишь хотел прикрыть Ухэ, да рука сорвалась. Но раз уж твоя маска все равно приказала долго жить, покажи нам свое истинное лицо!

На самом деле принц страстно желал уложить наглого посланника на месте. Но понимая, что того охраняют лучшие мастера боевых искусств, он выбрал более приземленную цель — сорвать ненавистную маску и выставить на всеобщее обозрение уродство, которое тот так тщательно скрывал.

Ему безумно хотелось увидеть, насколько мерзко выглядит этот хваленый столичный щеголь.

Бай Шу, чей взгляд заледенел при виде едва заметной царапины на виске Хан Сиэня, не проронил ни слова. С резким свистом он швырнул перехваченную стрелу прямо в лицо Хуянь Лу. Тот ожидал подвоха и вовремя пригнулся к шее лошади, а подоспевший Ухэ закрыл господина своим телом.

Никто не успел понять, что бросок Бай Шу был лишь отвлекающим маневром. Стрела изменила траекторию в полете и насквозь пробила левое запястье Ухэ. Великан взвыл от неожиданной боли, и тяжелый стальной молот со свистом вывалился из его ослабевших пальцев, с глухим стуком рухнув на землю.

Бай Шу метил в горло кочевнику. И лишь понимание того, что смерть великого генерала Сижуня сделает войну неизбежной, заставило его изменить направление удара и ограничиться покалеченной рукой врага.

Хуянь Лу уставился на дрожащее оперение стрелы, торчащей из руки его лучшего воина, а затем поднял налитые кровью глаза на Бай Шу. Инструктор ответил ему ледяным, обещающим смерть взглядом.

В этот момент Хан Сиэнь медленно поднял руку к лицу.

Одним небрежным движением он снял остатки разбитой маски и бросил их под копыта лошадей. Когда дерево коснулось дорожной пыли, он посмотрел на Хуянь Лу своими бездонными, темными глазами. Его тонкие губы изогнулись в издевательской, холодной улыбке:

— Не думал, что Третьего принца так сильно заботит моя внешность. Если бы ты просто попросил, я бы, так и быть, пошел тебе навстречу. К чему было платить за это зрелище целой рукой великого генерала Ухэ?